

В. Д. КУЗЬМИНА

„Игра пирожная“

(Неизвестная комедия демократического театра XVIII века)

Из интермедий, исполнявшихся в 1741 году во время представления драмы „Стефанотокос“, третья¹ была по содержанию бытовой рыночной сценкой. Основой ее был комический монолог — зазыв пирожника, к которому присоединен популярный анекдотический сюжет о ловких ворах и одураченном церковнике.

Во второй половине XVIII века в демократической драматургии наблюдается тенденция к развитию простейшей интермедии в самостоятельную пьесу — одноактную комедию. Примером того, как были использованы для этой цели комический монолог — зазыв пирожника — и образ рыночного мошенника может служить неизвестная комедия, озаглавленная „Игра пирожная“.

Она сохранилась в списке 1792 года, в сборнике под заглавием „Когда что попало“, некогда принадлежавшем А. Ф. Бычкову. Ныне этот сборник находится в Ленинграде, в отделе рукописей Пушкинского Дома Академии Наук СССР, в составе архива журнала „Русская старина“ (ф. 265, опись 3, № 9, стр. 1057—1070).

Как большинство пьес демократического театра XVIII века, „Игра пирожная“ написана раёшным стихом, где преобладают глагольные рифмы и ассонансы, с парными рифмами. Пьеса довольно велика, включает в себе 654 строки текста (не считая ремарок).

Еще 80 лет назад эта пьеса привлекла внимание Л. Н. Майкова, которому А. Ф. Бычков дал возможность ознакомиться со сборником. Л. Н. Майков снял копию, сохранив особенности говора, тщательно оговорил и исправил все ошибочные написания рукописи, являвшейся не авторским текстом, а одной из копий. Он снабдил пьесу кратким вводным примечанием и прислал ее Н. С. Тихонравову в конце 1874 года.

¹ Интермедия издана Н. С. Тихонравовым в „Летописях русской литературы и древности“ (т. II, М., 1859, стр. 42—48) по рукописи Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Шедрина в Ленинграде (Q. XIV. 19). Эта интермедия известна мне еще по спискам Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве (собр. Тихонравова, № 342, лл. 245 об.—251 об.) и Библиотеки Академии Наук УССР в Киеве (I. 2027).

В архиве последнего во Всесоюзной Библиотеке им. В. И. Ленина и сохранился весь этот материал (собр. Тихонравова, I. 44/21).¹

Можно думать, что пьеса „Игра пирожная“ осталась ненапечатанной Н. С. Тихонравовым по двум причинам.

В 1874 году он готовил два тома „Русских драматических произведений“. Однако материал Л. Н. Майкова, попавший к Н. С. Тихонравову в начале декабря (на рукописи Л. Н. Майкова помета — „30 ноября 1874 года“), опоздал к сроку, когда еще были возможны вставки и дополнения. Вероятно также, что возможность включения в сборник новой пьесы была осложнена цензурными затруднениями с примечаниями ко II тому. Примечания Н. С. Тихонравова к драме „Стефанотокос“, как известно, вызвали нарекания цензора (из-за реально-исторического комментария к истории дворцового переворота 1741 года). Вследствие этого текст примечаний был вырезан почти из всего тиража. С другой стороны, Н. С. Тихонравову „Игра пирожная“ могла казаться исключением, так как аналогичные пьесы ему не были известны. Да и по времени эта пьеса была более поздней, чем репертуар 1672—1725 годов, составивший основу сборника „Русские драматические произведения“, где драма „Стефанотокос“ (1741) была единственным произведением более поздней поры.

В настоящее время после публикации таких пьес, как „Интермедия курioзная и увеселительная о старце“,² „Интермедия о свадьбе однодворцовой дочери“,³ „Игра пирожная“ должна по праву занять место среди одноактных комедий демократического театра XVIII века.

Л. Н. Майков утверждал, что „Игра пирожная“ принадлежит к разряду „Интермедий или «междувброшенных забавных игрищ», то есть комических сцен, которые по обычаю старинного театра исполнялись в антрактах между действиями трагедий и других пьес серьезного содержания“, и отмечал, как ему казалось, „ближайшую связь“ „Игры пирожной“ с вышеизложенной интермедией из драмы „Стефанотокос“.

С другой стороны, Л. Н. Майков отмечал прямую связь „Игры пирожной“ с городским демократическим театром XVIII века и указывал также, что список пьесы из сборника А. Ф. Бычкова является сценическим ее текстом: „Отметки в скобках о том, что нужно делать актерам, не оставляют сомнения в том, что пьеса была разыгрываема на каком-то театре, предназначавшемся для престолярной публики, быть может, в тех театрах, которые с платою от 1 до 5 копеек были устраиваемы на маслянице, по сказанию Я. Я. Штелина, слугителями царских конюшен «в рогожных костюмах», а по известию более позднему — Георги — вообще охотниками из простого народа под качелями“.⁴

Л. Н. Майков обратил внимание как на преемственную связь „Игры пирожной“ с вышеприведенной интермедией из драмы „Стефанотокос“, так и на сюжетные и языковые различия обоих произведений: „Основной мотив интермедии получил в нашей пьесе значительное развитие и

¹ На этот материал обратила мое внимание сотрудница Отдела рукописей Всесоюзной Библиотеки им. В. И. Ленина А. А. Ромодановская.

² См.: Н. К. Гудзий. К истории русского театра. Интермедия о старце. Изв. Таврического университета, Симферополь, 1919, кн. 1, стр. 151—159.

³ См.: В. Д. Кузьмина. Из истории русского демократического театра XVIII века. Труды ОДРЛ, т. X, 1954, стр. 408—426.

⁴ Известие Штелина приведено П. П. Пекарским: Наука и литература при Петре Великом, т. 1, стр. 421; известие Георги см. в его описании Санкт-Петербурга в переводе И. Безака, стр. 655—656 (примечание Л. Н. Майкова: БИЛ, Архив Тихонравова, I. 44/21, л. 1—1 об.).

обставлен многими новыми подробностями. Равным образом и язык нашей пьесы гораздо народнее языка интермедии¹.

Комментарии Л. Н. Майкова конспективны, слишком кратки и кое в чем противоречивы. Они не дают полного представления о своеобразном облике публикуемой пьесы по сравнению с более ранней и близкой ей по теме интермедией, не отвечают на вопрос о характере различий в образах действующих лиц, в развитии сюжета, не содержат систематического разбора ремарок, которые могут прояснить вопрос о сценическом воплощении произведения.

Основой обеих пьес является показ городского быта XVIII века, характерной чертой которого была мелкая торговля вразнос на рынках и улицах.

Образы разбитных продавцов-разносчиков с их зазывами покупателей очерчены бегло, но отчетливо. Среди них мы находим „пирожника“, который разносит подовые пироги с различной начинкой на лотке, надетом на лямке через плечо.

В рукописных сборниках XVIII века встречаются записи зазывов уличных продавцов с рифмованными прибаутками. Например:

Вот сбитьень, вот горячий!
Кто сбитьню моего?
Всякой кушает его —
И воин и подьячий.²

Позднее колоритные зазывы продавцов, в частности пирожника и сбьтенщика, с традиционными рифмами „подьячий—горячий“ занес в свои записи народных прибауток В. И. Даль.³

В комических монологах драматургия XVIII века сохранила характерные черты зазыва покупателя балагуром-продавцом, восхваление достоинств своего товара и обращение к различным категориям покупателей.

При сопоставлении пьес прежде всего обращает на себя внимание изменение состава персонажей. В интермедии появлялись Маркитант, Ставленник и четыре Мошенника; в „Игре пирожной“ Маркитанту соответствует Пирожник, четыре Мошенника заменены Голым, который крадет у Пирожника лоток с пирогами и мошну с выручкой, а вместо Ставленника в роли покупателей появляются Подьячий и Солдат.

Тема грабительства низовых чиновников, которые от секретаря и подьячего до простого канцеляриста „одувают“ просителей и требуют „даров“, проходила в интермедии на втором плане, в беседе Ставленника с Мошенниками. В „Игре пирожной“ ей уделено особое внимание, благодаря появлению Подьячего (роль его достаточно обширна и состоит из 88 строк), который обманом вымогает пироги у разносчика, да еще грозит ему тюрьмой и судом, когда Пирожник требует платы.

Насмешка над глупостью церковника, одураченного ловкими ворами, заменена в „Игре пирожной“ разоблачением жадного хапуги-Подьячего, который не брезгует тем, чтобы с похмелья бесплатно „дюжину-другую пирогов схабатить“, а если не удастся, готов „пощетить натошак хоть грешнева-то теста“.

В комическом монологе Голого интересно отметить ироническую характеристику всегда несправедливого и жестокого суда.

¹ Там же.

² ГПБ, Собр. Титова, № 2986, конца XVIII—начала XIX в., запись на нижней корке переплета.

³ В. И. Даль. Пословицы русского народа, т. III. Изд. 3-е, М., 1914, стр. 17—18.

Значительные различия имеются в центральной общей роли — Маркитанта в интермедии и Пирожника в „Игре пирожной“. Прежде всего эта роль в „Игре“ резко увеличилась, заняв вместо 89 строк (в интермедии) 469 строк. Роль выросла более чем в 5 раз и почти вдвое возрос ее удельный вес в пьесе (72% всего текста в „Игре пирожной“ вместо 43% в интермедии).

Роль Пирожника в „Игре“ состоит из трех неравных разделов: выходного монолога, диалогов центральной части и заключительного монолога. Выходной монолог чрезвычайно обширен (248 строк — больше половины роли); в противоположность ему диалогическая часть роли сравнительно не развита (134 строки, из них 82 строки занимает диалог с Подьячим, 47 строк диалог с Солдатом и 5 строк диалог с Голым), но заключительный монолог снова довольно велик (87 строк). Таким образом, почти три четверти роли Пирожника составляют выходной и заключительный монологи.

С особенной тщательностью разработан выходной монолог. Он открывается традиционной молитвенной формулой („Благослови, господи“), призывающей удачу на начатое дело. За этим следует обращение к зрителям, в котором Пирожник рекомендует себя и начинает балагурить, предлагая свой товар. После этого следует характеристика постоянных покупателей — подьячих.

Огорченный отсутствием покупателей, расторопный Пирожник решает:

Молчаньем нечево взять,
Да-ко сесть да покричать!

Эти слова служат как бы введением к основному разделу монолога. Он состоит из двух частей. В первой Пирожник перечисляет своих постоянных клиентов самых разных категорий. Эта часть состоит как бы из пяти строф, построенных по одному принципу. Каждая строфа начинается обращением, за которым следует рифмованное перечисление, а порой и характеристика покупателей определенной группы, завершаются же все строфы предложением товара. В большинстве случаев (в первой, третьей, четвертой и пятой строфах) перечисление носит юмористический характер и построено по типу приговоров свадебного дружки, но иногда (например во второй строфе) в нем отчетливо звучит насмешка над ненавистным народу „крапивным семенем“ — чиновниками:

Господа подьячи,
Нотариусы,
Архивариусы,
Протоколисты,
Пищики и копейцы,
Почтенные канцеляристы,
Людские обманы,
Масленные карманы,
Бесподошвенны башмаки,
Без каблуков крашенные сапоги,
Полно вам на кабаках пребывать
Да мослы сидя глотать,
Просим милости сюда приехать
И наших пирогов отведать.

В перечислениях Пирожника проходит перед зрителем разнообразное пришлое и коренное население русского города XVIII века: мелкопоместное дворянство („шляхты смоленские“), белое духовенство, чиновники, крестьяне, казаки (яицкие и донские), мастеровые разных профессий, купечество и мещанство, школяры, низовые бурлаки, проститутки,

торговки, лавошницы, „площадные мошенники“ и нищие („весь богадельный храм“). Среди них не забыты дворяне-щеголи — „тафтяные кошельки“, а также „трыки,¹ форштей, жидоморы, кашеи“.

Во второй половине выходного монолога Пирожник восхваляет качество своего товара. В этой части монолога нетрудно увидеть два раздела. В первом из них Пирожник со знанием дела выхваляет сладкие, сдобные, скоромные и постные пироги. Во втором разделе Пирожник говорит, что у него есть пироги „для господ“, с начинкой из слоновых клыков, собачьих хвостов, волчьих зубов, всевозможных насекомых и отбросов, даже — пъявок „для пъяниц“.

Эта часть монолога построена по тому же принципу, что и пародийная „Роспись приданого“, известная как в лубочных картинах XVIII века,² так и в составе одноактной комедии „Интермедия о свадьбе однодворцовой дочери“, где перечисляется в составе приданого невесты то, чего не бывает на свете:

Кичка строчевая,
В ней береза толченая. . .
На занавесы рогожна парча. . .
Дубовые чирички. . .³

Тот же принцип известен в юмористических лечебниках,⁴ курантах⁵ и других пародийных произведениях демократической литературы XVIII века.

Монолог завершается повторным обращением Пирожника к зрителям и зывовом покупателей.

В этом первом монологе Пирожника имеется одна любопытная деталь: в отличие от Маркитанта интермедии 1741 года перед нами не розничный торговец собственным изделием, а наемный работник. В начале монолога Пирожник говорит о себе: „Меня с пирогами в ы с л а л и“, а в конце прямо упоминает о хозяине, который пек пироги. Тема „хозяина“ приобретает еще большее значение в заключительном монологе Пирожника.

Центральная часть роли — диалоги Пирожника с Подьячим, Солдатом и Голым — рисует его как деловитого и „обходительного“ торговца, который умеет не раз напомнить покупателю, что продает пироги только за наличные деньги, и в то же время умеет быть вежливым, даже с Подьячим, хотя открыто презирает „крапиву“.

Заключительная сцена — самоубийство Пирожника — решена в традиции устной народной драмы, где комическое и трагическое тесно сплетаются друг с другом⁶ и где нередко встречается (как и в эпосе) прием повтора эпизодов.

Приведенный материал показывает, что сходство между образами Маркитанта в интермедии драмы „Стефанотокос“ и Пирожника в „Игре пирожной“ весьма невелико. Оно ограничено более или менее точным

¹ Ср. в лубке: „Пан Трык, полна пазуха лык“ (Д. Ровинский. Русские народные картинки, т. I. СПб., 1881, № 222).

² См.: Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. I, №№ 143 и 144.

³ См.: В. Д. Кузьмина. ук. соч., стр. 415.

⁴ См.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки русской сатирической литературы XVII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 242—243.

⁵ См.: В. П. Адрианова-Перетц. Юмористические куранты XVIII века. Уч. зап. Лен. Гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 67, Л., 1948, стр. 48—56.

⁶ Ср. эпизод казни Адольфа и его погребения в устной народной драме „Царь Максимилиан“.

совпадением двух строк¹ и общностью принципа построения выходного монолога (восхваление достоинств товара и обращение к разным категориям покупателей). Можно думать с полным основанием, что эти незначительные черты сходства были подсказаны самой жизнью, наблюдением над зазывами продавцов — реальной чертой городского быта.

Пьесы были созданы, повидимому, независимо друг от друга. Это тем более вероятно, что сюжет о ловком воре, широко популярный в фольклоре и демократической литературе XVIII века, разработан по-разному в обоих произведениях.

Не похож и сам образ Пирожника, наемного работника, зависимого от хозяина, на Маркитанта, который бойко торгует пирогами на собственный страх и риск и вместе с Мошенниками смеется над одураченным простаком-дьячком.

Нельзя не отметить также словарного различия между интермедией „Стефанотокоса“ 1741 года и „Игрой пирожной“. Разнообразные славянизмы („во здравии“, „во иереи“, „бесчинно“, „за сие“, стяженные формы местоимений „тя“, „ся“) и архаизмы („Галицкой воевода“), столь естественные в пьесе церковно-школьного театра на рубеже 1730-х — 1740-х годов, совершенно отсутствуют в „Игре пирожной“.

Таким образом, утверждение Л. Н. Майкова о „ближайшей связи“ „Игры пирожной“ с третьей интермедией из драмы „Стефанотокос“ не подтверждается сравнительным анализом образов и проблематики произведений.

По своему размеру „Игра пирожная“ оказывается втрое больше соответствующей интермедии (кстати, наиболее длинной из всех интермедий „Стефанотокоса“ — она включает в себе 210 стихов); вряд ли сравнительно большая пьеса — в 654 строки — могла быть исполнена в антракте другого произведения. Гораздо больше оснований считать ее бытовой одноактной комедией городского демократического театра середины или второй половины XVIII века, подобно вышеназванным пьесам („Интермедия о свадьбе однодворцовой дочери“, „Интермедия курioзная и увеселительная о старце“), которые лишь по традиции именовались интермедиями, а по существу были бытовыми одноактными комедиями.

В „Игре пирожной“ намечаются отчетливые черты сходства с особенностями исполнительских принципов и композицией устной народной драмы, которые лишь частично встречались в интермедиях школьного театра первой половины XVIII века.

Выше приходилось отмечать такие черты в композиции „Игры пирожной“, как повторы эпизодов, приемы внешнего комизма, прямое обращение к зрителям, сплетение трагического с комическим. К ним можно прибавить также народно-поэтические приемы: употребление своеобразных постоянных формул, введение в текст комических перебранок, не раз встречающийся прием утроения.

Остановимся несколько подробнее на тех элементах поэтики устной народной драмы, которые требуют особого внимания.

Кроме финала (самоубийство Пирожника), приемы повтора и, еще чаще, утроения, встречаются в пьесе очень часто. Например, Пирожник имеет дело с тремя покупателями (Подьячий, Солдат, Голый), Подья-

¹ Ср., например:

Интермедия	„Игра пирожная“
То здесь пироги горячи Едят голодны подьдчи.	Пироги горячи Едят подьдчи.

чий три раза берет у Пирожника пироги,¹ Солдат трижды просит у Пирожника пироги, в заключительном монологе трижды повторены отчаянные возгласы Пирожника.²

Прямое обращение к зрителям, непосредственное общение с публикой наблюдается довольно часто, но особенно много реплик, обращенных в публику, в роли Пирожника.

Из своеобразных постоянных формул, встречающихся в „Игре пирожной“, следует обратить внимание на формулу „угрозы“, которая с незначительными изменениями встречается в двух ролях — Подьячего и Пирожника³. Интересно отметить, что подобная формула встречается в обширной сатирической интермедии „О шляхте“, где она вложена в уста Слуги, угрожающего „Шляхте“ (барину) расправой:

Как я тебя возьму топтать,
Так некому будет и отнять.⁴

Приемы устной народной драмы сказываются в „Игре пирожной“ также и в многократном обращении к внешнему комизму. Элементы этого внешнего комизма имеются в выходном монологе Пирожника, в комических перебранках Подьячего с Пирожником и Пирожника с Солдатом и Голым. На комический эффект несомненно рассчитаны некоторые сцены и финал пьесы.

Судя по тексту и ремаркам, неизвестный автор „Игры пирожной“ не боится широкого, размашистого, преувеличенного жеста актера и резкого повышения его голоса до крика. Все это также восходит к исполнительским принципам устной народной драмы.

Необходимо остановиться на ремарках и на беглых указаниях о сценическом оформлении спектакля.

В „Игре пирожной“ имеется 16 ремарок. Четыре из них указывают приходы и уходы действующих лиц, две требуют трехкратного повторения восклицаний отчаяния в заключительном монологе Пирожника („трижды“). Особенно интересны те ремарки, которые специально отмечают сценическое поведение персонажей, например: после первых слов выходного монолога Пирожник „сидится на пол“, Подьячий после выходного монолога „нюхает табак и похаживает“, Пирожник „смотрит в горшок“, и т. д. Часть ремарок начинается категорическим указанием постановщика-режиссера — „на д л е ж и т“: „на д л е ж и т три раза брать и есть, а потом упасть на пол“, „на д л е ж и т поднимать“, „на д л е ж и т хватиться, искать везде“, „на д л е ж и т искать мошню и удариться о пол и кричать“ и т. п.

Из текста пьесы и ремарок мы узнаем некоторые подробности о режиссуре. У пирожника имеется горшок с пирогами в лукошке, очевидно, повешенном на лямке через плечо, и мошна на поясе. Подьячий нюхает табак — вероятно, из табакерки, а Солдат угощает Пирожника нюхательным табаком — вероятно, из рога или кисета. Сцена отделена от зрителей занавесом, который закрывается в конце спектакля (заключительная ремарка: „занавес закрыть“). Декорации, повидимому, отсут-

¹ Отмечено в ремарке: „Надлежит три раза брать и есть“.

² „Удавлюсь“ (ремарка — „трижды“), „расшибусь“ (ремарка — „трижды“).

³ Сравни:

П о д ь я ч и й (Пирожнику)

Как почну бестию таскать,
Так некому будет отнять.

П и р о ж н и к (Солдату)

Почну пьявицу таскать
Так некому будет и отнять.

⁴ См.: В. Д. Кузьмина, ук. соч., стр. 424.

ствовали, как это и бывало обычно в спектаклях устной народной драмы.

Можно поэтому вполне согласиться с мнением Л. Н. Майкова, что оформление спектакля „Игра пирожная“ вполне убедительно показывает принадлежность пьесы к репертуару городского демократического театра второй половины XVIII века. Пьесы этого репертуара могли исполняться в тех петербургских спектаклях, о которых писал Георги, или в московских представлениях „разных чинов людей“ на святках, масляной и святой в 1750—1760-е годы.¹

В заключение необходимо поставить вопрос о возможном месте и времени сложения „Игры пирожной“ на основе анализа текста произведения. Упоминание учреждений — магистрата (точнее „магистратских служителей“) и приказа (повидимому, Приказа общественного призрения) — заставляет предполагать, что пьеса была написана во второй половине XVIII века. Уничтоженные в 1728 году,² магистраты были восстановлены в городах в 1743 году.³ Издание Учреждений о губерниях 1775 года превратило Магистраты в судебные учреждения,⁴ которые просуществовали до конца XVIII века.

Приказ общественного призрения был образован в 1775 году, когда в связи с Учреждениями о губерниях было опубликовано специальное Положение о Приказе общественного призрения,⁵ который по существу был „вспомогательным органом полиции для охраны «порядка» в интересах господствующего класса“⁶ Впрочем, слово „приказ“ как синоним слов „казенное учреждение“ употреблялось в течение всего XVIII века.

Попытаемся уточнить место возникновения пьесы.

Упоминание в „Игре“ о „стуканных раскольщиках“ указывает на Поволжье или Урал с их глухими лесами и приютами раскольничьих скитов как на место возникновения пьесы. „Стукальщики, — разъясняет В. И. Даль, — выходявшие из раскольников изуверы, избивавшие друг друга во имя спасения“.

Большое внимание к теме торговли, к „людям купецким“ (в частности, выделены хлебники и мельники), упоминание среди покупателей различных категорий казачества („донские казаки“, „господа Яики“), рыболовов и низовых бурлаков может служить косвенным, но существенным указанием на то, что „Игра пирожная“ была сложена в каком-нибудь крупном торговом городе Нижнего Поволжья (Нижний-Новгород, Самара, Саратов, Астрахань), центре хлебной торговли и рыболовства.

На богатое рыбой Нижнее Поволжье указывает также разнообразие рыбы в начинке постных пирогов (досось, осетрина, семга, белуга, сом, угри, сиг, ерш, „стерляди годовые“, корюха, треска, „всякая рыба мелузга“) и полное отсутствие пирогов с капустой и грибами — традиционной постной еды в средней полосе России.

Это предположение подтверждают элементы диалекта в тексте, например употребление слова „моторный“ в смысле „мотоватый“, „расточительный“, что отмечено В. И. Далем как особенность нижегородского и казанского говоров; последовательное употребление постпози-

¹ См.: И. Е. Забелин. Из хроники общественной жизни в Москве в XVIII столетии. Сборник Общества любителей российской словесности, М., 1891, стр. 560—564.

² Указ 18 августа 1727 г. (ПСЗ, т. VIII, стр. 62—63, № 5302).

³ Указ 21 мая 1743 г. (ПСЗ, т. XI, стр. 803, № 8734).

⁴ Указ 21 апреля 1785 г. (ПСЗ, т. XXII, стр. 358, № 16188).

⁵ ПСЗ, т. XX, № 14392, стр. 274—275 и 390—391.

⁶ См.: История Москвы, т. II. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 436.

тивных частиц (-ста, -йта) и т. п. На первый взгляд этому может противоречить последовательное „аканье“ („яршами“, „таперь“ и т. п.), но оно могло быть свойственно не автору, а переписчику единственного дошедшего до нас списка пьесы.

Итак, можно думать, что „Игра пирожная“ является одним из произведений городского демократического театра, созданном в Нижнем Поволжье во второй половине XVIII века.

Эта пьеса не исчезла бесследно из репертуара народного театра позднейшей поры. Среди балаганных пьес и монологов конца XIX — начала XX века известен комический монолог под заглавием „Пирожник Яшка“. Этот монолог невелик по объему, состоит всего из 16 строк. В нем ясно видны две характерные части, имевшиеся в монологах пирожников в демократическом театре XVIII века: обращение к зрителям и комическая реклама пирогов (см. Приложение II).

В обращении к зрителям в этом монологе имеется зазыв в балаган и такая же, как в „Игре пирожной“, самохарактеристика:

Эй, господа,
Пожалуйста сюда!
Кланяюсь и рекомендую: пирожник Яшка
Белая рубашка!

Вторая часть монолога заполнена, как и в текстах пьес XVIII века, шутивными прибаутками, восхваляющими качество „горячих“, „отменных“ пирогов, и завершается таким обращением к покупателям:

Подходите, братцы, торопитесь,
Не сумлевайтесь, не обедитесь!

Так в шуточном балаганном монологе дожил до конца XIX века один из образов городского демократического народного театра XVIII столетия.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Игра пирожная¹

В действии:

Пирожник	Солдат
Подьячий	Голой

Пирожник

² Благослови господи!²
А меня с пирогами выслали,
Пришел к вам, господа, таперя,³
Принес пирогов бремя,

¹ Текст печатается по копии Л. Н. Майкова 1874 года (Гос. Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина, архив Н. С. Тихонравова, шифр: Тих. I. 44/21, лл. 2—8 об.), так как в ней оговорены и исправлены ошибки рукописи из сборника А. Ф. Бычкова 1792 года (Пушкинский Дом, ф. 265, опись 3, № 9, стр. 1057—1070. Далее этот список обозначен буквой Б).

²⁻² Б ош. Благословите с исподи.

³ Б ош. таперь.

Принес
 Целый воз
 Под самой к вам нос!
 Горячи на почине
 Из под черной овчины!
 Не бось: не простыли,
 А которые на дне, и те не застыли!
 Пироги горячи
 Едят подьячи
 С жирным мясом
 Поливая квасом,
 Дегтярную кишкою,
 Болотною водою!
 То-то горячи,
 Очень недороги!
 Куда теперь-от они-то девались,¹
 Никак дома пере..ались?
 Бывало, об эту пору
 Набивают гортанную нору,
 Хвалят, да едят,
 Да в лукошко глядят.
 А теперь и собаки не видать
 Некому и пирожка подать.
 Кто откуда ни выбежит —
 Всяк бежит ..ать
 Добро-то! Молчаньем-то нечево взять,
 Да-ко сесть, да покричать!

(Садится на пол.)

Господа почтенные,
 Шляхты смоленские,
 Люди купецкие,
 Золотари немецкие,
 Дьяконы, попы,
 Дьячки, пономари,
 Певчи, псаломщики,
 Стуканные раскольщики,
 Не шетайтесь по рынкам,
 Не лакометесь блинами, —
 Будьте довольны нашими пирогами.

Господа подьячи,
 Нотариусы,
 Актуариусы,
 Протоколисты,
 Пищики и копейсты.
 Почтенные канцеляристы,
 Людские обманы,
 Худые кафтаны,
 Масленные карманы,
 Бесподошвенны башмаки,
 Без каблуков крашенные сапоги,
 Полно вам на кабаках пребывать

¹ Б ош. еданита.

До мослы сидя глотать,
 Просим милости сюда приехать
 И наших пирогов отведать.

Эй, старые едоки,
 Донские казаки,
 Вшивые парики,
 Валяные колпаки,
 Деревенски мужики,
 Низовые бурлаки,
 Господа Яики,
 Голубые шапки,
 Заткнутые полы,
 Опояски дубовы;
 Фабришные суконщики,
 Портные закройщики,
 Предильники,
 Колотильщики,
 Хлебники, мельники,
 Кукольники, бездельники,
 Калашники, яишники
 Конные барышники,
 Лавошники, палошники,
 Сапожники, шапошники,
 Яблосники, барышники,
 Мясники, рукавишники,
 Рыболовы и мышеловы,
 Ступайте к пирогам,
 Скоро покуда и дешево и много продам!

Господа служивые,
 Гарнизонные, отставные,
 Сотские и десятские,
 Служители магистратские,
 Бурмистры ларешные, целовальники, чумаки
 И все наши старые едоки!
 Материи тафтяны голубые,
 Подбои кумашные,
 Серги синие, щоки брусничные,
 Брови сорочьи, глаза [нрзб.]
 Немки — золотошвейки,
 Коротенькие шейки,
 Чулочницы,
 Молочницы,
 Лапотницы,
 Шепотницы,
 Калашницы,
 Табашницы,
 Рыношницы,
 Крыношницы,
 Обманщицы,
 Выжемщицы,
 Лавошницы,
 Палошницы,
 Костыльницы,
 Дубинницы,

Вались к пирогам!
 Давно уж здесь стою,
 Я вам дешево продаю,
 А другого и без денег накормлю.
 Господа большаки,
 Тафтяные кошельки,
 Трыки, форштей,
 Жидоморы, кашеи,
 Господа лакалы черной работы,
 Псаревой охоты,
 Уполовники, лизоблюды, лошкомойники,
 Господа шапошники,
 Варварские школьники,
 Пьяные, похмельные,
 Голье, моторные,
 Господа кожевники,
 Площадные мошенники,
 Дубинники,
 Замаски, блинники,
 И весь богодельной храм,
 Ступайте к нашим пирогам,
 Вались на почине,
 Покуда не простыли!

Пироги горячи,
 С яйцами блинные,
 С ягодами винные,
 С малиной, с коринкой,
 С перцем, с шафраном,
 С гусиным салом,
 Со всякими ягодами,
 И со всякими¹ яблоками,
 С виноградом, с изюмом
 Кто бы пришел и с блюдом!
 То-то горячи,
 Очень хороши!
 В масле топленые,
 В смятане вареные,
 В масле с сахаром жареные,
 И с гусятиной,
 С поросятиной,
 С утятинной,
 Тетереvятинной,
 С молодыми цыплятами,
 С жареными ягнятами,
 С бычатиной, коровятинной,
 Свининой, поросятинной,
 С бараниной, с телятиной,
 Свежепросольной журавлятиной,
 С жареной курятинной,
 Великатные — с перепелками,
 Со всякой свежей дичиной.
 А кто поволит есть и говееет,

¹ Б ош. всобскими.

Таких скоромных пирогов кушать не смеет,
 Про тех есть у нас постные самые
 Пироги добрые,
 Жареные в масле маковом
 И в патоке с сахаром,
 С сомовиной, с лососиной,
 С свежепросольной осетриной,
 С жареной семгой,
 С белушкой доброй,
 С башками,
 С головами,
 С плесками, хвостами,
 С жареными угрями,
 С свежими сигаами
 И с солеными яршами,
 Стерлядями годовыми,
 Яршами, с корюхой, с треской
 И всякой рыбой-мелузгой.
 То-то пироги,
 На заказ печены́
 Нарочно и для тех господ,¹
 Кто великатных есть не умеют,
 Горячи с кашей,
 Купоросны с сажей, —
 Принес чести вашей.
 Ай-да пироги,
 Куда, брат, хороши!
 Как бы у² другога не поворотило и с души!
 Горячи-ста!
 В дехтю вареные,
 В глине печоные,
 В масле стылом жареные,
 С навозом суконные,
 С охлопом пасконные,
 С кобыльими головами,
 С воловьими рогами,
 С слановыми клыками,
 С сабачьими хвостами,
 С харкотинной,
 С блевотинной,
 С гноем, соплями,
 С ящерицами, червями,
 С змеями, с ужами,
 С тараканами, с сверчками,
 С летучими мышами,
 С блохами, со вшами,
 С лепнями, с комарами,
 С кошачьими кишками,
 С кирпичами, с камнями,
 С навозными грибами,
 С яишной скорлупой,

¹ Б ош. часов.

² Б ош. и.

С рыбной чешуей,
 Собачьей требухой,
 С крапивой молодой,
 С волчьими зубами,
 С медвежьими пятами
 С коровьими хвостами,
 С телячьей кожей,
 С щетиной хорошей,
 С обрезками лубьяными,
 С раковинами водяными,
 С лаптями, с башмаками,¹
 С голенищами, каблуками,
 С козьими бородами
 С мертвыми ежами,
 С шерстью коровьей,
 С кобылятиной доброй,
 С лошадиным калом
 Да с протухлым салом,
 С тараканьими яйцами!
 Приходите, господа пьяницы,
 Есть у нас пироги из пивяницы!
 Ступайте, господа,
 То-то пироги,
 Очень хороши!
 Право, на почине —
 Есть и с жирной зайчиной!

Принес
 Целой воз!
 А, брат,
 Хозяин-ат!
 Какие большие пироги-та перевалая:
 Знать, что он сам их не видал!
 С этой продажей-то я и в неделю их не распродам.
 Если бы теперь какой голодной,
 Хотя бы с кабака голой
 Или подьячий знакомой!
 Принес,
 Горячи пирожки принес!

П о д ь я ч и й

Тфа, каналая, как на животе-та мутит,
 Выпили с челобитчиком по чарке вина, да нечем
 было закусить.
 А все с похмелья тянет,
 С неделю не могу притти в память.
 Эка, господа!
 Натура у меня:
 Когда бываю пьян,
 То уже не ем никогда,
 Разве поутру селянку сощетить,²

¹ Б ош. башками.

² Б ош. сощетив.

Либо дюжину-другую пирогов схабатить,
 А ныне уж с неделю не едал
 До севодни, оттого уж раз пять блевал.
 А здесь, знать, нигде селянки не достать
 Дай-ка стану хоть пирогов искать.
 Ба, как, брат, помнится, этта харчевни бывали,
 Тут прежде пироги продавали,
 А теперь никак еще рано,
 Что ни одново пирожника не бывало!
 Можно было уж об эту пору встать,
 Великатно, он, бестия, изволит спать!
 Поэтому поздно они встают.
 А больше оттого они избаловались,
 Что худо их бьют!
 Добро-ста!
 Пойдти теперь в другое место,
 Пощетить натоцкак хоть грешнева-то теста!
 Бывало, очень рано встают,
 Да хоть без денег, так в долг нам дают.
 А у пирожников-то без денег ничего не возьмешь,
 Поглядя и так пойдешь!
 Нечего у них пощетить —
 Ишо он же, каналья, пристыдит.
 Нет, господа, никак я рано встал,
 Что еще ни один маркитант не бывал.
 Ино, братцы, счастье припало,
 Ни одного пострела и с тестом-то не бывало
 Добро-то быть — дожидаться,
 Стать хоть табаком забавляться!

(Нюхает табак и похаживает.)

Пирожник

Ба, эк его, крапиву, чорт проголодал,
 В глазах стою, а он по сю пору не видал;
 Никак, брат, ты отуманел?
 Знать, что хорошо ты жрать-то захотел,
 Что по сю пору не мог меня увидеть,
 А сам уж с голоду чуть не околевает.
 Извольте, сударь, сказать:
 С чем вам пирог-от подать?
 А только прошу прислушать:
 У нас за денежки изловчись кушать.
 Право, на почине!
 Сегодня еще не продавал,
 До вашей милости ни один купец не бывал.

Подьячий

Ох, каналия, какой плут!
 Никак давно стоишь тут?
 Стоишь, бестия, будто и не догадался,
 А я уж пуще давнего проголодался.
 Стою здесь с час,

А он будто и не видал меня из глаз.
 Ведаешь, бестия, за мною есть сто дел.
 Говоришь, будто не видал никою,
 А я дожидаюсь с час здесь ево!
 Худо вас, канальев, бьют,
 Я бы тебя впрах растоптал¹ тут!

Пирожник

Доброй молодец, не шути,
 На вот пирогов-то бери,
 Пожалуйста, на почине-то не барабошь,
 Кушай хорошенько, что хошь —
 Только не взаём:¹
 Клади денежки на стол.
 А то я вас знаю
 На другом в долгу год почитаю.

Подьячий

Каналья, еще ты разговорился,
 С мужиком, что ли, бестия, рядился?
 На вот, деньги у меня бери,
 Да только с голоду не мори.
 Давай мне пирогов-та добрых,
 А то я знаю, — даешь² и черствых,
 А если худой подсунешь,
 То ты у меня сам не уйдешь.

Пирожник

Изволь, сударь, кушать, только с уговором:
 Не сделай после с каким притвором;
 С голоду-то, пожалуй, не подавись;
 С чем, сударь, поволишь?

Подьячий

Давай, каналья, поскорей
 Блинный с яйцами,
 Со дна, самой масляной,
 Да которой был бы румяной.

Пирожник

Изволь, сударь, горячий.

(Надлежит три раза брать и есть, а потом упасть на пол.)

Подьячий

Ах, каналия, подавил!
 Никак ты пирог-от подменил?

¹ Б ош. распотать.

² Б пропущено.

Пирожник

Ну, господа, вы изволили видеть, что
 я давал ему с уговором,
 А он теперь сделался с притвором.
 Говорил ему: с голоду-та не навались,
 А ешь — не подавись.
 А он начал с голоду-та хватать,
 Да и подавился,
 Иль нарочно притворился,
 Никак, он тем хочеть отойтить,
 Чтобы денег-та не заплатить.
 Иль вправду подавился?
 Не порой-ли-та я ошибся?
 Да-ко смотреть буду —
 С чем я пирог-ат сунул?

(Смотрит в горшок.)

Ахти, братцы, вить я ошибся,
 Сам не тот пирог-ат ему дал.
 Он попросил блинной с яйцами,
 А я дал яму с пиявицами.
 Встань, господин, не трудись,
 На вот, хоть даром пирогов-та нажрись,
 Только за старые нам поплатись,
 Что, брат, ты так опустился,
 Аль вправду подавился?

(Надлежит поднимать; Подьячий встанет.)

Подьячий

Ах, бестия, ты меня пирогами-та подавил,
 Чуть, было, и вовсе не умарил.
 Что мне делать будет с тобой?
 Имеешь ли, каналья, принести какое
 оправдание предо мною?
 Как почну¹ бестию таскать,
 Так некому будет и отнять.
 В прах, каналья, растопчу,
 Да еще в приказ с собою утащу.
 И за такие твои неучтивые отговорки
 Велю набить на обе ноги колодки,
 Да сверх того к стене на цепь приковать,
 Так лучше, каналья, впредь станешь знать,
 А пустова-то никогда не смелешь.²
 А в тюрьме-то сидя, еще поколеешь.
 Добро, теперь не стану сам бить,
 Могу и без того суду найдтить.
 Небось, сыщу свое бесчестие,
 Станешь знать нас, бестия!
 Теперь же пойду в приказ, да челобитну напишу,

¹ Б. ош. понесу.

² Б. ош. мелешь.

А потом на тебя, каналья, суду попрошу.
 Надеюсь, что будете нас ведать:
 Где ни увидите, так станете и с пирогами-то бегать!
 С тем, каналья, оставайся,
 А меня¹ из приказа за деньгами дожидайся,
 Я бы тебе отдал и таперь,
 Да не те штаны надел.
 Небось, брат! Не заедим,²
 Еще и с награждением отдадим!

(Уходит Подьячий.)

Пирожник

Вот-на, экова ко мне на почине-та чорт наниос едока!
 Или сегодня вся будет продажа така?
 Я думал, что он вправду подавился,
 А он нарочно притворился,
 В том намеренный был —
 Пирогов-та ему отдать,
 А самому бежать,
 Куда глаза глядят.
 А он изволил для тово блажить,
 Чтобы как без денег-та уйтить.
 То-та еще таки стал³ разбирать,
 С чем получше ему жрать.
 Бывало, так и разбору не имеет,
 Хотя бы гнилые с провонялыми яйцами — все смелет,
 А теперь умел с яйцами попрошати,
 Как скорей в приказ убежать.
 Да добро, попадетса коли-нибудь опять:
 Я, брат, умею и епанчу снять.
 А как еще на кабаке захвачу,
 То без всего на голове шапку схвачу.
 Добро, что он обманывать умеет,
 Наш брат и черниленой поверит.
 Давно я уж их знаю — крапиву,
 Что уже известны они всему миру;
 Сколько им хвостами-та ни вертеть,
 Да цепи-то с железом там не перетереть.
 Пускай, брат, теперь рассчитается,
 Авось, случай приидет, где-нибудь свидаемся.
 Да-ка из грусти стану еще кричать,
 Авось хотя какой моторный изволит прибежать.
 Принес, принес
 Горячи пирожки на почине!
 Покуда не остыли
 Принес
 Целый воз!

(Идет Солдат.)

¹ Б ош. ме.

² Б. ош заедишь.

³ Б ош. встал.

С о л д а т

Ба, давно, сват, торгуешь здесь пирогами,
 Да, знать, забогatel, ныне, забыл и знаться с нами!
 Ахти, да ты мне земляк!
 На-тко: нюхаешь ли табак?
 А у меня есть про вас носовой рульной,
 А про охотника ласковой загубной.
 Ну-тка, ты, не мешкай,хвати,
 Да смотри сперва ж... то пальцем заткни,
 А то еще можешь сделаться дураком
 С папойки-то об..... кругом.
 Вить ты, небось, брат, глуп: сам не можешь догадаться,
 Что наш брат, к чему прибирается.
 Я тебя подчиваю табаком,
 А ты, дурак, догадайся, подари меня пирогом.
 А я севодни вина чарки две-три хватил,
 А теперь-бы пирогов-то у тебя дюжину другу свапил.
 Что, брат, за деньги продаешь,
 Или в долг нам раздаешь?
 А ты, дурак, почитай солдат —
 Когда они с голоду, так покорми меня и так.
 Давай ка мне пирогов-та скорей,
 Вишь, я с похмелья-то насилиу до тебя добежал.

П и р о ж н и к

Экой, брат, легкой починать Подьячий!
 Знать, что я продавец сегодня собачей!
 Я думал и вправду едаки пришли,
 Ан видишь, какого-та чучелу черти принесли;
 Теперь ко мне в знакомы попал,
 А я до сих пор и в глаза его не видал.
 Что ты за чорт пришел?
 Пожалуйста, не проезжайся, прочь от меня пошел.

С о л д а т

Знай, дурак, вить ты меня не узнал,
 Помнишь, как я тебя в кабаке таскал?
 Ты меня пирогами кормил,
 А я тебя за то медным пивом поил,
 За то мне ты обещался давать¹ плату завсегда,
 А я тебе сделал рожу, как у меделянского кобеля.

П и р о ж н и к

Ба, ба, ба! Ан ты откуда тут?
 Да-й теперь хошь обмануть,
 Да нет, вить я севодни не пьян,
 Убирайся отсюда сам, покуда не дран.
 Знаю, что ты умен,

¹ Б ош. дава.

Толко не сам о себе силен.
 Экой-ста, брат, бодрилой,
 Пожалуй, не запирайся, тотчас сворочу рыло,
 Почну пьяницу таскать,
 Так некому будет и отнять.
 Я тебя так могу унянчить,
 Что ты у меня вперед не будешь забиячить!

С о л д а т

Полно, брат, пустоя-то петь!
 Давай мне скорей пирогов-та есть,
 Ну, попроворней¹, горячих-та давай!

П и р о ж н и к

Пожалуйста, отсея, покуда не бит, побегай.

С о л д а т

Бестия! я деньги даю.

П и р о ж н и к

Пойди прочь, я тебе не продаю.

С о л д а т

Слушай, дурак: никак хочешь ты браниться -
 Ты у меня и лавки-та можешь лишиться,
 Не заставь караулу закричать,
 А то тотчас дурака в полицию утащат.
 Не надейся, что у те денег-та много гремит:
 Как² туда попадешься, так и рубаха слетит;
 Перестань! Пустоя-та не болтай,
 Поскорей мне пирогов-та давай.

П и р о ж н и к

Экова, братцы, ко мне чорт привязал!
 Кто тебя, брата, пригнал,
 Что ты ко мне привязался?
 Пойди прочь, не проедайся,
 Будет тебе доброй пирог,
 Как ножом ткну в бок!
 Убирайся-тка поскорее прочь!

С о л д а т

Добро, бестия, вижу я, ты вздор³ несешь
 Дай-ка прийти брату, а то ты сам отсюда не уйдешь.

¹ Б. ош. попроворне.

² Б. ош. так.

³ Б. ош. здор.

А я вижу, вон он марширует,
Уже тебе бока надует.

(Идет Голой.)

Г о л о й

Что за шум, что за крик?
Один как веник, а другой как голик,
Шумят, кричат,
А нашего брата к себе не пригласят.
А я умею рассудить,
Кого повесить, кому голову отрубить.

П и р о ж н и к

Что за чорт ворчит?
Не тот ли ищю хочет пирогов пощетить?
Нет, уж сегодня почин добрый.
Хоть бы и пироги-та чорт побрал,
Лучше уже бы то знал, век-бы на нем
в долгу почитал.

Г о л о й

Нет-ста я не чорт;
Имею у себя на спине печатной пашпорт,
Я и сам, брат, забубённый
С каменного кабачка из Мелионной.
Не ваши г..... дела рассудал *[так!]*
На главном майдане наставщиком бывал,
А случилось и купечество имел:
С юлой да с костями на зернах сидел.
А другим временем и по площади шатался
Около чужих карманов поживлялся.
По щастию, где нехватишь, — ан платок
Либо кошелек,
Ино случится, что и много накоплю,
Недели две в кабаках пью.
А иногда такие придут голи,
Что нигде не пощечишь, кроме рогожи,
В которой можно в кабаке лежать
Для того, что я не охотник напрасно платья драть.
В платье тому надо ходить, кто с грошами,
А наша братья, голые, валяются и нагишами.
А теперь, не можно-ль около вас немножко потереться,
Круг карманов погреться?

*(Надлѣжит ему тихо ходить и обрезать мошню,
потом и унести пироги.)*

С о л д а т

Вишь, дурак, какой доброй купчина приходил,
Не по-нашему уж тебе удружил,
Да спасибо ему, что он те чисто изволил обрить

Должен-ка его за то благодарить,
А то ты не умеешь добрых людей чтить.

Пирожник

Пожалуйста, господин доброй, не зачитайся,
Ну, брат, к собакам на голову убирайся,
Не досажай, прочь от меня пошел,
Вишь, я в нечастии каком,
А он тут-же привязался,
Благо, что хорошо винишка-та нажрался,
Д и шумишь, как свинья.
Я бы тебя екова выгнал прочь из жилья.

Солдат

Ну, каналия, будешь нас знать,
Станешь учиться, как с голоду каштовать,
А то ты, знать, спесно,
Никак тебя не женивал никто.
Хватись-ка ужо, дурак,
Станешь другова помнить.

Пирожник

Куда ты, брат, мудрен,
Вить еще мошенничества не обучен,
Хочешь скоро обмануть,
Я хоть ни у тебя могу голову свернуть.

Солдат

Уж свернешь! с чем-та домой-та прийдешь?
Хватись-ка, — своей посконной бороды не найдешь.
Не миновать те будет петли или воды,
Севодни-ж дойдешь до беды
Только ты помни
Эти речи добры.

Пирожник

Небойсь, брат, не обманешь,
Даром, что ты гладко рассуждаешь:
Не бодрись тем, что удал,
Я вашей братьи много еких видал,
Да еще ни один у меня ничего не украл,
А я бы отплатил иному по бокам.

Солдат

Каналия ты, старый чорт,
Поверишь тому, что я тебе клал в рот,
А коли тому не догадался,
Изволишь с тем оставайся!

Затем, сват, прощай,
А нас, солдат, впредь знай.

(Уходит.)

Пирожник

Убирайся-ка, брат, с голями-та на квартиру,
Теперь доволен тем, что на пироги-та посмотрел,
Екой, господа, севодни выдался день,
Сам ни одного пирога не съел,
Только для почина
Накормил Подьячева за спасибо.
Добро, полно-ка глядеть,
Да-ка хоть самому пирог-другой съесть.

(Надлежит хватиться, искать везде.)

Пирожник

Ах, батюшки мои родные,
Что-то учинилось надо мною —
Ныне ничего еще не продавал,
А пироги-та кто-то все украл!
Экой, братцы, приходил ко мне шпион,
Не надеялся быть этому в нем,
Ажно он вправду мне сказал,
Чтоб я его пирогами-та покоштовал,
И нарочно шумел.
Скажите, кто взял пироги-та и ушел?
Конечно, он видел, да не сказал,
Кто пироги-та у меня украл.
Что мне над собою теперь делать?
Пришло от хозяина век бегать.
Теперь мне не¹ появиться к нему в дом —
Лучше не доходя к нему обопьюсь вином.
Да-ка денег-то найдтить,
Да вдруг целую кружку вина хватить

(Надлежит искать мощню и удариться о пол и кричать)

Ай, ай, ах, ах, осудари,
Пожалуйста, не уморите,
Не видал-ли кто денег-та скажите?
Что это чудится,
Не во сне-ль мне видится?
Куда оне девались?
Неужто сами оторвались?
Ай, ай, умру, умру,
Не выйду из избы днесь же на полу.
Ах, денежки, ах, матушки,
Ах, сизинки, ах, беленки,
Где вы девались?
Или сами оторвались?
Нет, теперь я в память пришел,

¹ Б пропуск.

Как давича, господа, Голой-ат пошел
 Стал-было со мною говорить
 И хотел наше с Солдатом дело решить
 Это он их увидал,
 Да ножом и открывал.
 Ах, миленькой Солдат,
 Правду ты мне сказывал, брат,
 Что осмотреться мне велел:
 Никак, в ту пору у меня мошенник-ат и подсидел.
 Ах, батюшки! что мне чинить?
 От своей глупости пришло самому себя умертвить,
 От таких печалей злых не хочу боле в свете жить.
 Чем голову кормить
 И поголовное платить,
 Ныне все то потерял.
 А как было рачил:
 Копейку и копейку копил,
 А теперь и чорта ими подарил,
 Чрез целой год скопил было рубля с два,
 И те, скажите, подгогулил¹ Голой, собака.
 Ах, мошенник злой,
 Что ты учинил надо мной?
 Как я теперь к хозяину-та появлюсь?
 Лучше покуда удавлюсь:
 Не страшит меня смерть никака,
 Да-ка сделаю петлю из кушака.

(Встает с полу.)

Удавлюсь *(трижды)*.
 Нет, петля не рвется,
 Лишь дерево гнется.
 Эх, господа, знать смерть меня не принимает,
 Попржнему к хозяину посылает.
 Да я уж ни на что не надеюсь,
 Лучше зарежусь, зарежусь, зарежусь!
 Нет, господа, не берет меня и нож,
 Знать я и смерти-то не гожд.
 Что теперь мне чинить?
 Думаю, сам себя о пол разбить.
 Прощайте, господа, теперь вовсе умерщвлюсь,
 Лучше разбежавши, расшибусь *(трижды)*.
 Теперь вздумал как умереть —
 Лучше всех смерть претерпеть,
 От безумья в погибель впал
 Пускай в смех и жизнь свою скончал.
 Не о чем много тужить,
 Прощайте, господа, тошно мне в свете жить.
 В век сей жизни лишусь
 И до ужасной смерти защекочусь.

(Надлежит защекотаться и захохотавши упасть. Потом занавес закрыть.)

¹ Б ош подгогулил.

II

Пирожник Яшка¹

Эй, господа,
Пожалуйте сюда!
Кланяюсь и рекомендую: пирожник Яшка
Белая рубашка!
Пожалуйте, господа почтенные,
Пирожки у меня горячие, отменные!
Такой редкий предмет,
Что ни одного таракана в них нет,
Потому что я держу такую тряпку,
Которая не запечет в них тряпку:
А если и попадется иногда муха,
Так она не проест брюха!
Попробуйте-ка, ну-ка!
Всего по пятаку штука!
Подходите, братцы, торопитесь,
Не сумлевайтесь, не объедитесь!

¹ Текст печатается по списку Гос. Центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, инв. № 10332. V/145908.